

Сириус провел здесь двенадцать лет взаперти, возможно, на этом уровне. Гарри покачал головой. Сейчас было не время заикливаться на этом. Малфой перестал ходить и положил руку на серебряный диск, расположенный снаружи камеры. Диск замигал зеленым светом, показывая, что входить можно. Здесь не было ни дверей, ни решеток, чтобы удерживать заключенных, вместо этого их держали внутри. Тонкс сказала, что затвор позволит им войти в камеру, но выйти они смогут только после того, как снова проведут рукой над диском. Если Люциус попытается сбежать, они все окажутся в ловушке. Гарри не потрудился спросить, что именно это значит. Он не думал, что ему это действительно нужно. Он вошел вслед за Драко в камеру и только через мгновение заметил Люциуса, сидящего на краю кровати. Очевидно, он спал, так как его глаза были затянuty коркой, и он прищурился на своего сына, словно пытаясь осознать факт его присутствия. Люциус был худее, чем Гарри помнил. Его длинные светлые волосы были грязными и матовыми, и он утратил тот надменный аристократический вид, который всегда демонстрировал. Он выглядел затравленным. Гарри не мог себе представить, как можно годами жить в таких условиях. Удивительно, что хоть кто-то вышел из Азкабана, сохранив рассудок. "Отец?" неуверенно спросил Малфой. Его голос слегка дрожал, а глаза блуждали по изломанному телу отца. "Драко? Что ты здесь делаешь?" спросил Люциус. Его голос был хриплым от непривычки. "Все искали тебя. Твоя мать с тобой?" "Она в безопасности, отец. Она даже не знает, что я здесь", - ответил Драко, тяжело сглатывая. "Как ты?" Люциус Малфой тряхнул головой, как бы проясняя ее. Уродливая усмешка, которую Гарри так хорошо помнил, вернулась в его черты. "Что ты натворил, Драко? Ты заключил сделку с предателями крови? Где твоя гордость? Я так разочарован в тебе". "Отец, послушай меня. Я могу помочь тебе. Когда тебя освободят отсюда, ты сможешь скрываться с нами".

Драко сказал это с мольбой в голосе, которая показалась Гарри болезненной. Он знал по многолетнему опыту, что мольбы Драко останутся без внимания. "Настоящий Малфой никогда бы не стал ползать на брюхе вместе со слизью и отбросами общества", - прошипел Люциус, кипя от ярости. "Я думал, что воспитал тебя так, чтобы ты знал это. Это влияние твоей матери, не так ли?". "Отец, Темный Лорд убьет тебя, когда ты освободишься, если ты не сделаешь что-нибудь, чтобы обеспечить свое собственное выживание", - кричал Драко. "Тогда я умру с честью, как должен был сделать ты", - ответил Люциус. "Отец..." "Нет, Драко. Ты еще можешь спасти это", - сказал Люциус, придвигаясь ближе к сыну. Его глаза засияли безумным светом. "Возвращайся к Темному Лорду. Встань перед ним на колени и попроси прощения. Докажи свою преданность ему, убив тех, кто оказал тебе помощь. Это может убедить его проявить к тебе снисхождение". Драко откинул голову назад и насмешливо фыркнул: "В нем нет ничего снисходительного, ты же знаешь. Он заставит меня умолять, а потом все равно убьет". "Тогда ты должен умереть", - ответил Люциус. Драко моргнул, явно ошеломленный. "Отец, я твой единственный сын". "Ни один мой сын не опозорит имя Малфоя таким образом", - с усмешкой сказал Люциус. "После того, как ты у нас появился, я понял, что ты слаб для верности своей матери. Она готова на все ради тебя, чтобы спасти тебя. Она отбросила свое собственное будущее, чтобы защитить твое. Вот почему у нас никогда не было другого ребенка. Я знал, что она была слабой, но ты... Ты, я думал, уже усвоил свое место".